

VIII

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИЗОЛЯЦИИ

В течение десяти лет после выхода работы «Социализм и политическая борьба» политическая и интеллектуальная жизнь Плеханова была сосредоточена вокруг Группы «Освобождение Труда». Эта организация, созданная в 1883 году, просуществовала двадцать лет и самораспустилась на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии. Все второе десятилетие своего существования Группа занимала видное место в социал-демократическом движении. Но в период с 1883 по 1893 годы она не только занимала видное место в движении, она и представляла само движение. Практически история русского марксизма в это время совпадала с историей Группы «Освобождение Труда». В последующее десятилетие первые марксисты влились в более крупный поток социал-демократии, к созданию которого приложили столько усилий. Однако до того, как представилась эта долгожданная возможность, они пережили изоляцию, разочарование и физические трудности таких масштабов, которых хватило бы, чтобы обескуражить всех, менее преданных делу.

Невзгоды Плеханова и его друзей частично объясняются неблагоприятными временами для революционной деятельности в России. Волна оппозиции, поднявшаяся в 1873 году, держалась на идеализме, преданности и оптимизме революционной молодежи. Более того, революционеры приобрели вес, не соответствующий их числу, так как их поддерживали тогдашнее недовольство и волнения во всех слоях общества.

Правительственные чиновники находились в состоянии постоянного напряжения, боясь, что распространявшиеся среди крестьян слухи о скором разделе земли вызовут бурю восстаний. Кризис в про-

* Среди последних советских работ по этому периоду см.: Полевой Ю. З. *Зарождение марксизма в России*. М., 1959. Гл. 2. Здесь приводятся сведения о публикациях Группы «Освобождение Труда» и деятельности Плеханова в международном социалистическом движении. Более половины этой крупной работы посвящено немноготочесленным марксистским группам, действовавшим в России в 1883—1894 гг.

мышленности, сопровождавшийся безработицей и снижением уровня жизни, отозвался взрывом стачечной активности в 1878—1879 гг. Университеты стали центрами радикальной пропаганды, а их слушатели пополнили ряды революционной армии. Среди образованных слоев общества усилиению антиправительственных настроений способствовало не только безобразное обращение с заключенными-революционерами, но и бездарная турецкая кампания 1877—1878 гг. В конце войны, когда царь решил создать конституционное правительство в Болгарии, Харьковское земство опрометчиво обратилось к Александру II с просьбой «дать Вашим верным подданным то, что Вы дали болгарам». В последующие несколько лет земства неоднократно уведомляли царя, что не будут помогать ему в борьбе с революционерами, пока попираются права всего народа. В общем настроение в стране в те годы, особенно, в 1876—1880, было таково, что революционное движение имело достаточную материальную и моральную поддержку.

Духовный подъем среди революционеров не спадал, а тяжелые потери и драконовские меры, предпринятые правительством с начала 1878 года, не смогли остановить их деятельности. Еще в 1880 году оппозиционно настроенные круги России имели основания надеяться, что правительство вынужденно склоняется к серьезным уступкам. Лорис-Меликов, которого царь в феврале того же года привлек к управлению делами, не только ослабил давление на земства и прессу и сместил ненавистного графа Толстого с поста министра просвещения, но и составил проект умеренного участия общественности в работе правительства. Этот проект, едва ли способный удовлетворить требования революционеров, должен был стать законом в тот самый день, когда народовольцы убили Александра II. Сначала оппозиция торжествовала, празднуя «славную победу», однако вскоре открылся истинный смысл того, что они совершили. Революционеры выложили свою козырную карту, но не победили врага. Они еще могли, по инерции, продолжать свою работу, но вернуть прежний оптимизм было невозможно. Фактически схватку выиграло российское самодержавие, ибо у революционеров не было оружия, чтобы нанести последний удар. В 1881 и 1884 годах последовала серия арестов, с помощью которых правительство удалило с поля сражения почти всех старых сторонников террора. Постоянные провалы революционеров, явная дискредитация идей, составлявших основу движения, суровая кара, постигшая арестованных, превратили поток в поддержку движения в тонкий ручеек. Разочарование самих «террористов», той образованной молодежи, что

составляла основной костяк примкнувших к революционной деятельности элементов общества и возлагавшей большие надежды на революционные инициативы,— все вместе способствовало снижению революционной активности в восьмидесятых годах.

Другим важным фактором был реакционный, репрессивный режим, установленный правительством Александра III. Новый царь считал трагический конец отца печальным, но закономерным следствием потворства либерализму и нерешительности в отношении «подрывных» сил. Желая избавить себя от столь прискорбных провалов в искусстве управления государством, он сделал своим главным советником и сотрудником К. П. Победоносцева, сторонника воинствующей политики «самодержавия, православия и народности». Вскоре Победоносцеву удалось вернуть в правительство графа Толстого, на этот раз министром внутренних дел,— это был шаг, символизировавший самодержавные устремления Александра III, бросившего открытый вызов общественному мнению. В полном согласии с царем сторонники этого направления в политике разработали курс на поддержку «благонадежных» групп, ужесточение контроля за «неблагонадежными» и подавление враждебных настроений. И этот курс они проводили столь энергично и целеустремленно, что за восемь—девять лет революционная деятельность резко пошла на убыль, и настроение общества существенно изменилось.

Считая дворянство самым надежным лояльно настроенным общественным классом, правительство принялось спасать его от финансовых затруднений, учредив в 1885 году особый Дворянский Земельный Банк, выдававший ссуды на условиях, гораздо более выгодных, чем могли получать крестьяне. Положение дворянства заметно укрепил указ 1890 года, уменьшающий представительство крестьян в земствах, а также учреждение в 1889 году должности земского начальника. Эти начальники осуществляли административную и юридическую власть над крестьянами и назначались исключительно из числа лиц местного дворянства, владевших недвижимостью. Признаком явного стремления еще более укрепить позиции правительства было установление тарифных барьеров и другие виды поддержки российских предпринимателей. Правительство явно ожидало, что российская буржуазия, в качестве *quid pro quo* [услуга за услугу — лат.], примирится с отсутствием права голоса в выборе курса государства.

Что касается крестьян, то в царствование Александра III на них обрушилось столько новых унижений и тягот, что многие усматривали в

этом возврат к крепостному праву. Законы 1886 года укрепили патриархальную структуру крестьянской семьи и установили обременительные условия договоров наемных работников-крестьян и нанимателей. Деревенскому жителю учреждение должности земского начальника и вправду могло напомнить старые времена. С помощью этого механизма режим, несомненно, намеревался пресекать все крестьянские беспорядки в корне, а заодно и выкорчевывать всех революционеров, проникших в сельские местности. А чтобы крестьяне не могли использовать земства для защиты от обид, удобное большинство в этих органах было предоставлено дворянству. Застой в промышленности и ожесточенное сопротивление фабричных рабочих снижению жизненного уровня повлекли за собой введение в 1882 и 1886 годах первых фабричных законов. Но это явное отступление от принятого реакционного курса вскоре утратило почти всякий смысл вследствие сопротивления фабрикантов введению данного законодательства.

Чтобы задушить свободу мысли и дискуссий в самом зародыше, правительство прибегло к испытанным репрессиям против печати и школ, а также изобрело ряд новых. Ужесточилась цензура, закрывались все журналы с малейшими признаками духа либерализма. Светские сельские школы были поставлены под контроль Священного Синода; средним школам было предписано прекратить набор учеников из низших слоев населения; университеты были лишены автономии и поставлены под контроль Министерства просвещения. В высших учебных заведениях резко поднялась плата за обучение, студентам было приказано носить форму, практически прекратился прием женщин. Регламентация в университетах выразилась в уменьшении объема преподавания точных и естественных наук, социологии и философии, а также в увольнении способных к выражению несогласия с политикой правительства выдающихся профессоров М. М. Ковалевского и В. И. Семёновского. И, если даже при всех этих мерах предосторожности часть студентов и испытывала радикальные устремления, отбить у них желание действовать было легко: правительство, не жалея сил, укрепляло полицию, урезало независимость судебных органов и ужесточало меры наказания.

Обшим результатом упадка движения общественного протesta и репрессивной политики правительства стала чрезвычайно удушливая атмосфера восьмидесятых годов. По мнению историка русской общественной мысли Р. В. Иванова-Разумника, большая часть интеллигентии предала свои великие традиции и не оказала серьезного и упорно-

го сопротивления наступлению реакции¹. В обществе осталось мало идеализма, и в тех немногих случаях, когда какие-то группы пытались заявить о себе, выступая по социальным вопросам, действия их носили оборонительный характер. Студенты иногда протестовали против введения новых правил, граничивших с обскурантизмом. Снижение заработной платы и штрафы вызывали беспорядки среди рабочих. А земства, вместо петиций по поводу конституции, занялись борьбой за выживание. Стало ясно, что желание политических и социальных перемен, столь явно распространенное в семидесятых годах, уступило место желанию примириться с действительностью. Веря в могущество интеллигентии сменилась верой в могущество полиции. «Лiberалы» действовали и говорили так, словно в России все было бы хорошо, если бы только бюрократы стали честными трезвенниками и трудились на совесть. Самосовершенствование, прежде считавшееся средством освобождения народа, превратилось в самоцель. Говорили, что «малые дела» гораздо полезнее для общества, чем безрассудный геройизм. Больших жизненных вопросов избегали, сосредоточиваясь на конкретном и отговариваясь от ответственности перед обществом ссылками на свою скромную лепту. Общество приобрело печать посредственности, вульгарности и скуки. Правило жизни теперь выражалось примерно так: «Лучше быть довольной свиньей, чем несчастным человеком».

Эта атмосфера была настолько заразительна, что проникла даже в исторические очаги революционного брожения — университеты. Вот как описывает изменение обстановки в конце восьмидесятых петербургский студент: «Было очень мало самоотверженных деятелей, вполне посвятивших себя делу. Я почти не встречал профессиональных революционеров, не встречал нелегальных... Почти никто не думал, например, бросать университет, для того чтобы идти в народ и вообще вполне отдаваться революции. Все имели в виду по возможности кончить курс и потом жить вполне легально»².

Российский общественный климат восьмидесятых явно не годился для развития революционного движения любого направления. Особенно неблагоприятно было это время для последователей Маркса. В конце концов, пролетариат, на который они возлагали надежды, был еще до ничтожного мал. Но сильнее, чем действительность, история давила на умы и чувства тех русских людей, кто еще продолжал считать себя революционерами-социалистами. Хотя народничество и терроризм перестали быть источниками воодушевления, радикалам не хо-

телось расставаться с идеями и идеалами, вскормившими такие геройские дела и богатые традиции. Существовала определенная предубежденность против социал-демократических идей, к которым большинство относились с сомнением и недоверием, т. к. немногие готовы были отказаться от старого идеологического багажа. Хотя Плеханов и его друзья изменили свое мнение на этот счет, значительная часть русских радикалов продолжала считать социал-демократию идеологией чисто немецкой и нереволюционной. Весьма примечательно безобидное название, которое русские марксисты выбрали для своей организации, полагая, что называться российскими социал-демократами значит обречь движение с самого начала¹.

Однако эта тактическая уловка не убавила скептицизма и некоторой прохлады в отношении к новой группе. Лавров выражал не только свое мнение, когда писал, что плехановские труды сослужили скорее разрушительную, нежели положительную службу революционному движению. И он, и Тихомиров посоветовали товарищам в России не иметь отношений с Группой после предосудительных нападок на террористов в «Наших разногласиях»². Едва ли стоит добавлять, что сочувствующие народовольцам последовали их примеру. Вскоре после создания Группы старый эмигрант-бакунист Жуковский отпустил на ее счет саркастическое замечание: «Вы не революционеры, а студенты социологии»³. Оппозиционный журнал «Общее дело», доказывая не-приемлемость идей Маркса для России, иронически предложил более уместное заглавие для второй книги Плеханова — «Наши недоразумения»⁴. Еще несколько лет спустя другой критик заметил, и не без оснований, что программа Группы «добропорядочно переведена с немецкого»⁵.

Основатели Группы «Освобождение Труда» предвидели нападки соперничающих русских революционных фракций. Но они совершенно не были готовы к негативной оценке со стороны западных социал-демократов. Они полагали, что смогут рассчитывать на дружескую поддержку сторонников марксистских взглядов на Западе, однако и здесь к их начинанию отнеслись неодобрительно. Аксельрод, тесно связанный с немецкими социал-демократами в Шорихе, горько сетовал друзьям: «Я убежден, что и самые горячие противники бакунизма и бланкизма среди социал-демократов готовы примириться с тем и другим

¹ ГОТ. Т. I. С. 169—170. Даже в 1889 году Энгельс указывал членам Группы на неудобства называться социал-демократами (Плеханов Г. В. Соч. Т. 24. С. 174).

в России и восторженно приветствовать самого дьявола, лишь только ему удастся вызвать в них веру в свою силу и справиться с царским абсолютизмом и избавить цивилизованный мир от этого оплота европейской реакции...»⁷.

Он точно определил причину прохладного приема, оказанного западными собратьями Группе. Если бы сам Маркс был жив, его реакция, вероятно, была бы такой же. Он научил своих последователей на Западе считать российское самодержавие величайшим тормозом прогресса в Европе. Ни его самого, ни его сторонников не интересовали тонкости идеологической ориентации тех, кто активно сражался против царизма. Во времена Маркса «Народная Воля» казалась самой мощной силой для скватки с врагом, и он говорил о террористах в весьма восторженных выражениях⁸. Он так страстно желал их успеха, что убедил и себя и других, что они действительно могут победить самодержавие. Эта серьезная переоценка возможностей «Народной Воли» привела к тому, что западные марксисты считали любое слово или дело, направленное против нее, губительными для революционного движения и к тому же плохой услугой социализму на Западе. Поэтому, каковы бы ни были намерения Плеханова и его друзей, создание конкурирующей революционной организации и начало полемики со сторонниками террора вряд ли могло заслужить одобрение социалистов Запада.

К их великому огорчению, сам Энгельс указал группе на сомнительность их предприятия. В письме к Верне Засулич, примечательном своей двойственностью⁹, он сначала выразил чувства гордости и благодарности в связи с появлением марксистского направления в России, а затем критически отзывался о стратегии, изложенной Плехановым в «Наших разногласиях». Забыв о собственном строгом осуждении Ткачева лет десять назад, которое оказало такое влияние на взгляды Плеханова, он утверждал, что если бланкистский заговор и имеет шанс на победу, то только сейчас и в Санкт-Петербурге. Россия подходит к своему 1789 году, предсказывал он, и неважно, под каким знаменем начнется революция. Совершенно очевидно, что он видел «Народную Волю» в авангарде революционного движения. Было бы гораздо лучше, если бы все революционные элементы объединились с

* С Каутским он говорил яснее, заявляя, что России нужна «революция, а не программа» (Keep J. L. H. *The Development of Social Democracy in Russia, 1898—1907*. London, 1953. P. 19).

нею в борьбе против самодержавия, а не распыляли силы на междуусобицу.

В обстановке равнодушия, подозрительности, а то и прямой враждебности Группа «Освобождение Труда» решительно взялась за изменение направления русского революционного движения. Она на мереевалась выполнять эту задачу путем распространения в России марксистской литературы — переводов работ Маркса и Энгельса и специально написанных аналитических трудов по общественной и экономической жизни России, которые составили основу их социал-демократической программы. Распространение этой литературы имело целью лишить народническую идеологию доверия, которым она все еще пользовалась среди интеллигенции, и привлечь ее к своей программе. Группа считала крайне важным завоевать прочную базу среди интеллигенции, поскольку на интеллигенции лежит задача агитационной работы среди рабочих, привлечения пролетариата в ряды будущей социал-демократической партии и подготовки его к активной борьбе за политическую свободу.

В духе старой лавровской позиции, которую так высмеивал Плеханов, теперь Группа рассматривала пропаганду как необходимую подготовку к революционным действиям. Поскольку Плеханов объяснял неудачи движения теоретической слабостью и считал образ жизни революционера-подпольщика несовместимым с постоянной теоретической работой, он и его товарищи решили создать организацию за границей. Там, вдали от бурных событий, они получат возможность свободно и спокойно трудиться над закладкой фундамента русского марксизма. Они смогут непрерывно вести теоретическую работу, быть в курсе самых передовых идей и использовать их для анализа перемен в России, а через свои издания осуществлять руководство русскими революционерами в области теории. Практически Группа создавалась как некий революционный мозговой центр. И в этом качестве ее нельзя было подвергать опасностям существования в России.

Такая тактика была разумна и имела конкретные преимущества, но ей были присущи и серьезные недостатки. Чрезвычайно трудно было поддерживать непосредственную, живую связь с событиями и людьми на родине. Бывали долгие периоды, когда надежных связей не было, и «освобожденцы» ощущали себя волнившими в пустыне. Им приходилось тратить много времени и сил только на поиски путей и средств доставки своих изданий в Россию, нередко случалось, что их грузы задерживали таможенники или полиция. Но самое главное,

марксистам редко удавалось быстро и точно откликаться на повседневные события в России; и в этом отношении они были отлучены от непосредственной деятельности и интересов революционеров на родине. Маленькая группа, созданная для того, чтобы встать во главе движения, оказалась отдаленной от него большим расстоянием, что неминуемо вело к трудностям.

Конечно, более крупной организации удалось бы создать в России прочную и действенную базу и установить эффективные связи эмигрантов с родиной. Но в момент создания в Группе «Освобождение Труда» было всего пять человек: Плеханов, Аксельрод, Дейч, Вера Засулич и Игнатов; и очень скоро их осталось трое. В. Н. Игнатов, оказавший значительную финансовую поддержку новой организации, в 1885 году умер от туберкулеза, который с самого начала препятствовал его активному участию в работе. Дейч в середине 1884 года был арестован в Германии, куда он поехал договариваться об отправке нелегальной литературы в Россию. В сети, раскинутые Бисмарком для понимки немецких социал-демократов, базировавшихся в Швейцарии, попалась необычная дичь. Дейч был выдан России и сослан на длительные каторжные работы в Сибирь¹⁰.

Его арест оказался тяжелым ударом для Группы; как писал впоследствии Аксельрод: «на плечи Л. Дейча... легли главные, чуть не все, материальные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными городами, где была русская революционно настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий, вообще вел все административные и организационные функции группы»¹¹. Его не смог заменить никто. Другие члены Группы, при всех их достоинствах, не обладали практическими организаторскими способностями. Интересы Плеханова относились к сфере теории, а организационные дела он, по возможности, передавал другим; и ни Аксельрод, ни Засулич не имели административных талантов Дейча. При отсутствии способного организатора трудно было ждать успехов в выполнении задач Группы.

Вряд ли стоит говорить, что сильные и слабые стороны Группы были сильными и слабыми сторонами ее членов. Выдающиеся интеллектуальные способности Плеханова, его талант теоретика и литератора практически обеспечивали Группе внимание и интерес публики, в том случае, если его идеи будут услышаны. Но для того, чтобы объеди-

нить сочувствующих, чтобы поддерживать связи с другими группами и среди эмигрантов, и выполнения других задач, необходима была постоянная и эффективная организация. Нужен был человек для управления делами, а таких в Группе не было. Поэтому не трудно понять, почему влияние ее распространялось сложными путями и почему, при всем идейном значении Группы, ее организационные усилия неизбежно заканчивались неудачей.

С первых попыток установить и поддерживать связи с активными революционерами на родине началось десятилетие крушений и почти полной изоляции. В последние месяцы 1883 и начале 1884 годов они разослали письма к отдельным лицам и группам в России, где излагались цели и задачи новой группы, предлагался обмен идеями, командирование представителей за границу для совещаний с эмигрантами-марксистами, налаживание организационных связей и материальной помощи. «Освобожденцы» выражали готовность обсудить, а если нужно будет, то изменить программу, и снабжать активных работников необходимой литературой. В более широком плане, они указывали на те преимущества, которые может дать революционерам в России наличие центра за границей, который будет поддерживать непрерывность движения и обеспечивать проведение операций по четкому, последовательному курсу. Одно из сохранившихся писем¹², написанное Аксельродом, показывает, как скромны были их намерения. Ближайшей целью они ставили набор за три—четыре года 300—400 пропагандистов — задача, не вполне согласующаяся с плехановским планом захвата политической свободы в ближайшем будущем. Более реальная цель, которую ставит Аксельрод, напоминает нам, как малы были в то время активные силы борцов против царизма.

Первые обращения Группы, составленные не без некоторого трепета, вызвали несколько благоприятных откликов^{*}, достаточных, чтобы решиться на отправку своего сторонника в Россию. Им стал Саул Гринфест, получивший указания узнать обстановку и всячески поддерживать интересы Группы. Это было серьезное поручение для молодого человека, весь опыт которого ограничивался работой в типографии «Черного Передела». Тем не менее, Гринфест сумел проникнуть в Россию и установить контакты на границе, в Вильно, Санкт-Петербурге и Москве. Он писал Группе в Швейцарию, что в русских

* Из архива П. Б. Аксельрода. Т. 2. Берлин, 1924. С. 91—92. Дейч много лет спустя ошибочно сообщал, что они не получили никаких ответов (см.: ГОТ, Сб. 1. С. 19).

революционных кругах царит беспорядок и смятение, но есть надежды на успех. В письме указывалось, что отдельные лица заинтересовались новой группой, а один московский кружок согласился отпечатать на гектографе обращение Аксельрода с просьбой о поддержке. Гринфест считал, что в данный момент наилучшим способом пропаганды взглядов и задач Группы будет отправка в Россию брошюру «Библиотеки Современного Социализма»¹³. Именно эта отправка и привела к аресту Дейча. Издания были перехвачены полицией в Кенигсберге, а Дейч арестован, когда приехал в Германию для отправки второго груза. Вскоре после этого были схвачены и предполагаемые адресаты в Москве.

Прошел почти год, прежде чем удалось установить новые контакты. Тогда «освобожденцы» получили ободряющее известие от петербургского кружка, называвшего себя партией российских социал-демократов. Эту группу интеллигенции и рабочих возглавлял болгарский студент Д. Благоев, впоследствии основатель Болгарской коммунистической партии. Он и члены его кружка, которых обычно называли «благоеевцы»¹⁴, ознакомились с программой эмигрантов-марксистов и написали: «...мы пришли к заключению, что во взглядах гр[уппы] „Ос[вобождение] т[руда]“ очень много общего с нашими взглядами»¹⁵. Полагаясь на опыт своих «зарубежных товарищей», более литературно подготовленных и имеющих больший революционный опыт, благоеевцы просили установить постоянную связь, посыпать им литературу, проводить обсуждение пунктов программы, и обещали материальную помощь. Неудивительно, что Плеханов в разговоре с Аксельродом облегченно воскликнул: «...страдаем мы не напрасно»¹⁶. Так начался период сотрудничества, длившийся почти год и закончившийся лишь зимой 1885—1886 гг., когда группа Благоева, как и многие до нее, была разгромлена.

Благоеевцы, так же как и Плеханов, признавали, что среди революционеров в России царит полное замешательство и разброд и для поисков пути необходима теоретическая работа. Хотя петербургская группа и называла себя социал-демократической, их принципы, незримые и непоследовательные, наверное, приводили Плеханова в ужас. Но благоеевцы признавали необходимость агитации среди рабочего класса, и, поскольку они были готовы выполнять указания, «освобожденцам» не на что было особенно жаловаться. А реакция членов группы на работу «Наши разногласия» наверняка приободрила Плеханова. Они назвали ее «радикальным средством» для «прочищения тумана в головах» молодых народовольцев в России: «Если эта книга и не заста-

вит вполне примкнуть к мнениям нашей группы... то несомненно, что она даст массу материала для критики народовольской программы; а переработка этой программы положительно необходима в интересах борьбы»¹⁷.

Месяцы сотрудничества дали положительные результаты. Благоевской группе удалось распространить довольно большую партию марксистской литературы, нелегально доставленную в Россию. Обещанная финансовая помощь поступила, и петербургская организация сумела напечатать несколько номеров газеты для рабочих, в которой выступили и Плеханов, и Аксельрод. Это был первый контакт с русскими рабочими с тех пор, как они стали марксистами. Обе стороны также обменивались мнениями по вопросам программы, и в 1884 году это способствовало составлению новой редакции проекта программы Группы «Освобождение Труда». Изменения касались скорее деталей, нежели основной ее части, которую Плеханов разработал прежде.

Когда благоевская группа так внезапно прекратила свое существование, «освобожденцы» почти на шесть лет лишились всяких связей с организациями в России. Редким исключением была случайная переписка с каким-нибудь кружком. За эти годы Группа не только не начала никаких действий в России, но часто ничего и не знала о работе социалистических и рабочих организаций. Даже о массовой стачке на текстильных предприятиях Морозова в 1885 году они узнали несколько лет спустя. А про «социал-демократическую» организацию под названием «кружок Точинского», созданную после ареста благоевцев и тоже разгромленную в 1888 году, Группа услышала лишь в 1891 году, получив письмо, содержавшее список ее членов, попавших в руки полиции. Радость их не знала границ, когда они узнали о праздновании Первого Мая петербургскими рабочими в 1891 году и о социал-демократической направленности некоторых выступлений. Однако этот митинг состоялся без их участия и уведомления.

Только к концу 1891 года членам группы удалось установить первую серьезную связь с революционерами в России со временем провала группы Благоева. Ощущив ускорение пульса общественной жизни на родине, Группа отправила агента для установления отношений с любыми кружками, придерживавшимися социал-демократических взглядов. Агент (им стал С. Г. Райчин) связался с группой в Варшаве, а в Петербурге встретился с членами известного кружка Бруслева¹⁸. Переговоры с последним привели к соглашению о взаимной помощи и планам создания всероссийского движения¹⁹. Однако и здесь вмеша-

лась полиция. В ходе налаживания успешной агитационной работы из фабрик брусневцы попали в поле зрения полиции, и, в тот самый момент, когда все способствовало расширению деятельности, полиция арестовала Райчина, и Брусневская группа также была уничтожена.

То, что не успев разгореться, внезапно погасла эта искра надежды, должно быть сильно повлиять на Плеханова и его сторонников. Что, если Группе придется ждать новых связей еще пять—шесть лет? Что, если и эту новую попытку постигнет та же судьба? Судя по публикациям, находившимся вдали от России марксисты держались бодро. Они заявляли, что видят в русском движении признаки неминуемого революционного подъема. Однако вряд ли их не посещали мысли о том, что они обращаются к глухой стене; не останутся ли они в изоляции, и, быть может, до конца дней вся их деятельность обречена на неудачу. Они не могли знать, что 1891—1892 годы означали конец эпохи гражданской пассивности и наступление времени беспрецедентной оппозиционной борьбы. Даже в моменты высочайшего оптимизма они не могли и представить, какие огромные успехи суждены марксизму до конца девятнадцатого века.

Небольшая численность Группы мешала осуществлению ее планов, но, несмотря на большие возможности, Группа не увеличилась. С самого начала и, в особенности, по причине трудности связи с Россией, «освобожденцы» намеревались выполнять свои задачи посредством пропаганды среди русских студентов в Швейцарии. Как и в начале семидесятых, Швейцарская Республика может быть превращена в учебный полигон для подготовки революционеров, чтобы впоследствии отправиться на работу в Россию. В то же время, с помощью лекций и индивидуальной пропаганды, можно будет расширить круг сторонников марксизма, и они тоже будут помогать в работе Группы. Плеханов и его соратники сумели организовать марксистские кружки среди русских студентов в ряде университетских городов Швейцарии²⁵, но расширить саму Группу никак не удавалось.

Если они намерены были выполнить функцию мозгового треста, то отнюдь не следовало принимать в свой избранный круг всякого, разделяющего их взгляды. Вступить в Группу можно было только по приглашению членов. «Освобожденцы» не желали объединяться с теми, кого Плеханов презрительно называл «ветеранами, не видевшими поле боя». В разное время вступить в Группу предлагали Лаврову, Кравчинскому и Алтекману, имея в виду, что Группа желает видеть своими участниками лишь закаленных революционеров, людей опре-

деленного масштаба. Однако «освобожденцы» учитывали не только опыт. Они занялись изданием серьезных трудов, последовательных и чистых в идеологическом отношении. Невозможно было и представить, чтобы Лавров или Кравчинский могли работать с ними в одной организации, не будучи марксистами. А если принять молодежь, сравнительно неопытную и в революционной работе, и в теоретических областях, есть риск лишиться своей руководящей позиции, допустить сдвиг, искажение или потерю идеологического курса. Этим они не могли рисковать на ранней ступени развития русского марксизма, когда, по их убеждению, все зависело от теоретической ясности. В сущности, они не доверяли массовости и придерживались идеи элитарного руководства марксистским движением. Однако их юных последователей не могла не озадачивать и даже оскорблять эта манера сначала пригреть, а затем держать на расстоянии. Такая позиция «освобожденцев» неоднократно отталкивала от сотрудничества с ними сочувствующую молодежь, что подчеркивало изолированность и слабость Группы. В некотором роде, Группа занималась самоизоляцией, что мало способствовало созданию широкого общественного движения.

Скорее всего, именно Плеханов был главным инициатором этого элитарного подхода. Коллеги не разделяли его одержимости в вопросе о чистоте идеологии, но его авторитет позволял ему всегда настаивать на своем. Похоже, что иногда идея избранности заставляла его испытывать неловкость и угрызения совести. В откровенном письме к Аксельроду, в котором видны признаки их грядущего разрыва через пятнадцать лет в 1903 году, он писал: «А мое якобинство? Нужно же, чтобы Вы меня сдерживали, чтобы Вы имели даже право сдержать мои централистические и якобинские тенденции. Ведь, право, у меня есть на этот счет грешок»²¹. Есть в этих замечаниях предвосхищение той исключительности, которую подчеркивал Ленин в своем понятии партии; но необходимо соблюдать осторожность относительно параллелей между элитаризмом Плеханова и более поздней позицией Ленина. Плеханов настаивал на элитарном руководстве на стадии зарождения движения, но считал, что этим принципом можно поступиться в будущей социал-демократической партии. Таким образом, он предлагал, что рабочие сами будут формулировать детали партийной программы²².

Кроме работы по оживлению организационной деятельности в России и набора и воспитанию кадров в Швейцарии, Группа, время от времени, пыталась объединиться с представителями других оппози-

ционных направлений в эмигрантских кругах. Это почти неизменно кончалось неудачей, частично из-за недоброжелательности, вызванной их прежними нападками на другие группы. Плеханов, чьим главным оружием было перо, не щадил чувств радикалов. Он отдавал дань уважения прошлым заслугам народников и народовольцев, но его язвительность в адрес их эпигонов вызывала неприязнь у всех, кто еще сочувствовал народникам или сторонникам террора. Его резкий полемический стиль с обилием уничижительных выражений, колких выпадов и безжалостных насмешек, несомненно, отталкивал многих читателей. С другой стороны, его категорическую уверенность в правоте собственной позиции многие считали невыносимо высокомерной. Раны, наносимые Плехановым своим противникам, отталкивали многих радикалов, веривших в дружеские отношения всех революционных фракций. Его склонность к полемике воздвигала почти непреодолимые препятствия для сотрудничества с другими группами, когда впоследствии сами «освобожденцы» стали его искать. Даже друзья Плеханова иногда убеждали его — ради блага марксистского движения — пользоваться этим оружием осторожнее. Но он никогда не уступал. Когда его упрекали в резкости, он отвечал, что сам Христос был суров с противниками²³.

Многие проблемы Группы были взаимосвязаны. Желание безопасности означало отрыв от России; та позиция исключительности, в которую они себя сами поставили в Женеве, влекла за собой крайнюю слабость организации. Но само материальное существование Группы зависело от связей и поддержки со стороны. В условиях отсутствия таких связей все первое десятилетие Группа испытывала финансовые затруднения, не только мешавшие расширению ее деятельности, но ставившие под угрозу само ее существование. Им пришлось преодолевать три препятствия одновременно: застой революционного движения в целом; явное неприятие той новой идеологии, которую они хотели распространять; и собственные лишения и горести.

Из-за постоянного недостатка средств «освобожденцы» на личном опыте познали муки нищеты, столь знакомые пролетариату, от имени которого они выступали²⁴. За исключением Игнатова, который представил средства на типографию, никто из эмигрантов-марксистов не имел собственных средств. Доходы от продажи печатных изданий едва покрывали расходы, так что из этого источника Плеханову и Аксельроду не доставалось почти ничего. Как соредакторы «Библиотеки Современного Социализма», они разработали шкалу гонораров для ав-

торов публикуемых работ. Однако для них самих это правило чаще нарушалось, чем соблюдалось. Между тем, отсутствие публикаций в прогрессивных журналах и газетах России уничтожило этот, ранее ими использовавшийся источник доходов. Взносов в пользу Группы, за исключением отдельных случайных поступлений, не хватало на удовлетворение самых простых потребностей Плеханова и его друзей.

По этим причинам им часто приходилось обращаться к делам, не имеющим отношения к их основному занятию, исключительно ради физического выживания. В начале восьмидесятых годов Плеханов был репетитором детей русских богатых эмигрантов, живших в Женеве и ее окрестностях, но затем ему удалось заработать немного статями для социалистических журналов в Германии и других странах. Аксельрод с женой основали кефирное заведение, продукты которого они продавали в русской колонии в Цюрихе. Противники марксизма не замедлили иронически отзоваться о несовместимости положения вождя социалистов с ведением коммерческого предприятия. Вера Засулич, у которой не было семьи, существовала на жалкие заработки от переписки.

И даже при этих случайных и не относящихся к их главному делу занятиях, члены Группы и их семьи долгое время терпели жестокую нужду, а для Плеханова неприятности усугублялись плохим здоровьем. Годы, проведенные в подполье, скучное и нерегулярное питание, короткий, урывками сон, безжалостные перегрузки — все это подорвало его здоровье. А в Швейцарии — постоянная работа, недосыпание и добровольные лишения ради семьи привели к тому, что у него открылась тяжелая форма туберкулеза. В период 1885—1888 годов Плеханов был на грани смерти. Жена, Розалия Марковна, с помощью Веры Ивановны Засулич, наконец, выходила его, но окончательно он так и не поправился*. После этого приступы болезни периодически повторялись, он, в конце концов, и умер от туберкулеза. После 1889 года Засулич также страдала этой изнурительной болезнью.

В этих обстоятельствах Розалия Марковна вернулась к своим прежним планам стать врачом. Убежденная социалистка, она считала разделение труда в семье вполне разумным — это позволило бы Плеханову полностью посвятить себя делу революции. К несчастью, в Женеве ей пришлось повторить большую часть той работы, которую она

* Плеханов погиб собственному спасению, благодаря самодисциплине. Когда врачи сказали, что ему вредно курить, он прекратил курение немедленно и никогда больше не начинал.

уже проделала в России, возможно, еще и потому, что требования в Швейцарии были более строгими. Во всяком случае, лишь в 1889 году ей удалось получить диплом врача и начать практику. Мужа терзали угрызения совести из-за семьи. Письма к Аксельроду, относящиеся к восьмидесятым годам, полны отчаянных призывов о помощи. Во время болезни он умолял: «Не могу я лечиться, когда семья БУК-ВАЛЬНО голодает... пошлите, сколько можно, но, ради бога, сделайте это»²⁵. В следующем году он удрученно сообщал товарищу, что семье грозит выселение; кроме того, вот уже шесть дней, как в доме ничего нет, кроме молока, и то потому, что его можно брать в долг²⁶.

В этой летописи несчастий есть множество и других страниц. В 1889 году, по ironии судьбы, Плеханов получил распоряжение покинуть Швейцарию. Русские террористы в Цюрихе экспериментировали с горючими материалами и вызвали взрыв, в результате которого погибло несколько человек. Плеханову, который бесконечно болезневал с народовольцами, пришлось теперь расплачиваться за их безрассудства. Вместе с верным другом В. И. Засуличем он переехал через границу в маленькую деревушку Мориз, в Верхней Савойе. Следующие пять лет он провел во Франции, в отрыве от семьи, не считая отдельных коротких поездок, которые ему разрешено было совершить в Женеву. Нет необходимости говорить, что он ждал возможности воссоединиться с ними где-нибудь, где он сможет продолжать дело своей жизни и, в то же время, зарабатывать на жизнь. С этой целью его последователи среди болгарских студентов в Швейцарии начали хлопоты о предоставлении ему профессорской должности в новом университете в Софии. Однако преследования болгарских студентов-марксистов со стороны премьер-министра Стамбулова вскоре положили конец этим благим намерениям²⁶.

В 1894 году Плеханов, вскоре после Цюрихского Конгресса Интернационала 1893 года, в результате развернувшейся против него во французской прессе кампании, был выслан из Франции. Выступая на Конгрессе, Плеханов обвинил французское правительство в преда-

²⁵ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрова. Т. 1. С. 57. Некоторые страдальческие призывы Плеханова почти слово в слово повторяют мозглы Маркса, обращенные к Энгельсу. По-видимому, семья Плеханова терпела такую же нужду, как ранее семья его идеального наставника. См.: Berlin I. Karl Marx: His Life and Environment. 2d ed. New York, 1959. P. 181—183.

тельстве республиканских принципов, выражившемся в заключении союза с российским самодержавием. Взрывы, организованные французскими анархистами, послужили дополнительным предлогом для усиления давления на русского изгнаника, ставшего теперь *persona non grata* [лицо, лишенное доверия — лат.]. Тучи стутились, и Плеханов стал искать нового убежища. О своих невзгодах и ожидавших его перспективах он написал Вильгельму Либкнехту, вождю немецких социал-демократов, с которым подружился в предшествующие годы: «Благодаря подвигам наших милых анархистов мое пребывание во Франции становится все более и более затруднительным... аннемаский комиссар конфиденциально сказал, что лучше будет мне на некоторое время уехать из Морна, так как мое изгнание вполне возможно, а раз я буду изгнан, то мне уже нелегко будет вернуться опять во Францию. Вот почему я в Женеве. Но так как у меня нет разрешения на жительство, то я совсем не выхожу из дома, это почти тюрьма. И я спрашиваю себя, чем это кончится? Очень возможно, что мне придется уехать в Англию. Это очень печально. Русский, живущий в Англии, несравненно более удален от своей родины, чем в том случае, когда он живет в каком бы то ни было другом государстве на континенте... Моя русские товарищи из Соединенных Штатов как раз приглашают меня приехать, чтобы стать во главе одного русского журнала. Бвиду того, что, быть может, придется прибегнуть к этому средству, чтобы избавиться от преследований континентальной европейской полиции, прошу Вас не отказать мне в „ein Blick in die neue Welt“ [взгляд на Новый Свет — нем.], которую Вы хорошо знаете.

Русский журнал в Америке — это довольно ненадежно, надо подумать о других средствах к существованию. Если не считать того, что я и моя жена могли бы зарабатывать в качестве корреспондентов русских газет (выходящих в России), так это тоже не всегда надежно, могли бы я найти для себя работу в американских газетах? Жена моя врач, она могла бы, следовательно, работать по крайней мере в качестве акушерки. Но как эта работа оплачивается в Америке? Необходимо ли иметь американский диплом? Возможно ли будет найти работу в НЕМЕЦКИХ газетах, выходящих в Америке?

Прошу Вас, дорогой гражданин, не откажите сообщить мне эти сведения и дать мне вообще совет в этом деле. Уехать в АМЕРИКУ это значит на порядочное расстояние удалиться от РОССИИ, но, с друг-

гой стороны, это увидеть и познакомиться с новым миром, и если бы в то же время не умирать с голоду, то это довольно соблазнительно»²⁷.

Ответ Либкнехта относительно перспектив в Америке был более обнадеживающим, чем то, что Плеханов узнал об Англии; однако возможно потому, что сама мысль об отъезде на другой конец света, так далеко от родины, где он потеряет всякую возможность быть в курсе дел в России, была настолько невыносима, что Плеханов осенью 1894 года уехал из Франции в Англию. Жена его осталась в Женеве.

Одновременно с неприятностями во Франции Плеханов пережил и личную трагедию. В 1889 году в семье родилась третья дочь, но в четыре года ребенок тяжело заболел менингитом. Убитый горем Плеханов писал Либкнехту в канун нового, 1894 года: «Желаю вам счастья. Для меня это больше уже невозможно: моя младшая дочь умирает, безнадежна, ей осталось жить всего несколько дней. От этого можно с ума сойти. А в довершение всего, меня хотят выслать из Франции. Впрочем, это пока еще не наверняка. Но моя дочь, моя дочь!»²⁸. Через несколько дней ребенок умер. Плеханову удавалось сохранять самообладание и определенную долю уверенности и оптимизма в разных тяжелых ситуациях, но эта потеря привела его в отчаяние. На какое-то время все многолетние бедствия сломили его дух и заставили усомниться в смысле своих трудов. Аксельроду, пытавшемуся его утешить, он писал:

«Твое выражение: избраник истории заставляет меня смеяться. Как убедиться в том, что такой-то человек был избран историей? Это возможно ТОЛЬКО по отношению к ПРОШЕДШЕМУ, а по отношению к настоящему это немыслимо, и только хвастуны да шуты могут смотреть на себя сквозь столь лестные очки. А я, я, вероятно, просто неудачник, годный теперь только в помойную яму (*a la voitie*). Я болен, не знаю чем, должно быть отчаянием и, право, таков, как я теперь, я никуда не гожусь; следовательно, о чем же толковать? Выжатый лимон надо выбросить в помойную яму и забыть его поскорее, вот и все. Твоя вера в меня делает честь твоему идеализму (надо же кого-нибудь идеализировать...), но если она продолжится, она будет смешна: кто идеализирует выжатые лимоны! Теперь я болен, и вообще мое положение скверно, а что дальше — неизвестно»²⁹.

Тем не менее, Плеханов был тронут стараниями Аксельрода утешить и ободрить его. Вообще, этот эпизод наглядно показывает, какую добрую, сочувственную поддержку оказывали друг другу члены Группы в критические моменты, которые случались у них так часто. Засулич,

не задумываясь рисковала здоровьем, помогая выхаживать Плеханова, а потом последовала в изгнание, чтобы продолжать ухаживать за ним. Деликатная и сострадательная женщина, обладавшая незаурядными способностями³⁰. Засулич вела уединенную, почти отшельническую жизнь после ареста Дейча. Основной связью с жизнью был для нее ее товарищ Плеханов, которого она боготворила, хотя прекрасно знала все его недостатки. Есть свидетельство того, что она даже имя его произносила как-то по-особенному, словно душа ее обращалась к нему, как растение к солнцу. Он был очень занят политической и литературной работой и потому часто забывал о ней, но нередко проявлял и нежное участие. Например, в тот период, когда она жила в Англии, Плеханов через друзей устроил ей медицинскую помощь, хотя она сама, как обычно, не обратила бы на свое здоровье внимания. В другой раз они с Аксельродом достали средства на поездку в Италию, чтобы помочь ее выздоровлению³¹.

Все члены Группы делились друг с другом всеми средствами, какие располагали. Аксельрод не только давал Плеханову и его семье все, что у него оставалось, но и без ведома друга искал любые возможные средства помочь ему. Он считался соредактором «Библиотеки Современного Социализма», но писал гораздо меньше, чем Плеханов. Все его статьи, стоявшие ему невыразимых мук, в основном, касались европейского рабочего движения и тактики русской социал-демократии, а не тех абстрактных, теоретических исканий, которые интересовали Плеханова. Тем не менее, Плеханов искренне ценил труды Аксельрода, поощрял его работу и часто уступал ему в тактических вопросах. В письме 1882 года, исключительно задушевном, Плеханов дал высокую оценку помощи и сотрудничеству Аксельрода: «Ваши похвалы и одобрение — лучшая награда за мой труд». По поводу достоинств Аксельрода он писал: «Ах, милый Павел, как бы мне хотелось видеть Вас, поговорить с Вами. До какой степени Вы бесконечно умнее, выше, чище, революционнее наших „молодых товарищей“»³². Когда несколь-

³⁰ Она всегда старалась быть незаметной и ограничивала свою работу в «Библиотеке Современного Социализма» исключительно переводами. Однако ее оригинальные работы написаны доступным языком и необычайно проницательны. См., например: Засулич В. И. Революционеры из буржуазной среды // Социал-демократ. Лондон, 1890. № 1. С. 49—88. Петр Струве позднее сказал о ней: «Самая умная и тонкая из всех женщин, которых я встречал» (Slavonic and European Review. 1954. XII. P. 591); см. также: Засулич В. И. Воспоминания. М., 1931; Засулич В. И. Статьи о русской литературе. М., 1960; Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983.

ко позднее Аксельрод переживал тяжелую депрессию, Плеханов пришел ему на помощь, ободряя его и помогая вернуть волю к борьбе¹.

Отношения, о которых здесь идет речь, обращают внимание на те человеческие качества, скрывавшиеся за суровой, холодной внешностью Плеханова, так отпугивавшей многих из тех, кто его знал. Без сомнения, он был необыкновенно сдержан, редко и скромно проявлял свои чувства². Примечательно, что за все годы знакомства с Аксельродом, до 1894 года Плеханов обращался к нему в письмах на «вы». Только в одном письме, процитированном выше, он употребил дружескую форму обращения.

Конечно, можно утверждать, как это и сделал один советский автор 20-х годов³², что деятельность Группы «Освобождение Труда» была, бесспорно, неудачной, и что она практически не оказала никакого влияния на развитие марксизма в России. Это выглядит правдоподобно, если вспомнить, что почти все первые десять лет своего существования Группа была оторвана от России, что заслуга в создании партии или хотя бы значительного количества революционных кружков в России принадлежит не ей, что успехи в деле привлечения студентов в Швейцарии к революционной деятельности были невелики. За десять лет, с 1883 по 1894 год, те немногие организации в России, стремившиеся мобилизовать заводских рабочих, возникали без участия живших за границей марксистов. Издания Группы попадали в Россию в небольших количествах, и одновременно с ними другие революционные организации на родине и за границей также печатали и распространяли произведения Маркса и Энгельса. Совершенно очевидно, что в первые десять лет деятельности Группы «Освобождение Труда» русский марксизм не мог добиться быстрого и впечатляющего успеха.

¹ На письмо Аксельрова 1896 года, полное отчаяния и упреков в свой адрес, Плеханов отвечал: «Я спрошу тебя — каким это образом человек, написавший такую умную статью, может считать себя лишним, ненужным, неспособным и т. д.?.. [Имеется в виду рецензия Аксельрова на статью «Об агитации» — С. Б.] В твой огромный политический смысл я всегда верил... Я всегда знал, что то, что ты одобришь, наверное будет хорошо... Ты нужнее теперь, чем когда бы то ни было» (Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрова. Т. I. С. 137—138).

² В письме 1898 года Аксельрод говорит об этой сдержанности. По поводу только что опубликованной статьи Плеханова он пишет: «И хотя ты не любишь вежливостей, я рискну вперед за твою статью обнять тебя и расцеловать крепчайшим образом» (Там же. С. 196).

Непростой и время от времени прерывавшийся процесс проникновения социал-демократических идей в русское революционное сознание может быть объяснен многочисленными препятствиями, возникавшими на пути Группы. Тем не менее, восьмидесятые годы не были лишь «идеологической пустотой» между народничеством семидесятых и марксизмом девяностых, как их определил Иванов-Разумник³³. Прорыв девяностых вряд ли был бы возможен без терпеливой, преданной и основательной подготовительной работы Группы. Часть исторической миссии Группы состояла в создании атмосферы, способствующей восприятию русскими революционерами марксистских идей. Ее неустанная критика прежней революционной философии частично разрушила основы народничества и облегчила отказ от пользовавшихся поддержкой, но уже неплодотворных понятий. Безжалостное разоблачение нереалистичности и пагубных последствий, которые Плеханов усматривал в народническом мировоззрении, отвернуло от народничества молодое поколение. Настойчиво распространяя марксистский анализ ситуации в России, Группа закладывала основы для выработки нового мировоззрения. По мере того как постепенно отступали устаревшие взгляды, их место часто занимали социал-демократические идеи. Марксисты, работавшие за рубежом, сделали более близкими, а, следовательно, и более приемлемыми те взгляды, которые ранее многими бесповоротно отвергались уже при первом знакомстве с ними.

Логика событий явственно вела революционеров, не покинувших поле боя, к социал-демократии. Все попытки найти в крестьянстве социальную базу революции принесли горькие разочарования в семидесятых. Результаты наступления сторонников террора с 1879 года показывали всю бесплодность попыток группы конспираторов, при всем героизме ее членов, уничтожить самодержавие или просто добиться серьезных уступок с его стороны. Становилось ясно, что одни революционеры не могут навязать свою волю правительству. Из полицейских донесений восьмидесятых годов видно, что большая часть нелегальной деятельности приходилась на рабочую среду³⁴ и, в основном, велась людьми, которые считали себя народовольцами. Даже явные противники Группы «Освобождение Труда» волей-неволей вступали на путь, указанный Плехановым. Лавров и Тихомиров, по-прежнему выступая за террор и «захват власти», рекомендовали своим товарищам в Петербурге искать связей с социал-демократами в столице и развивать деятельность среди рабочих³⁵. Автор мемуаров, который вел активную оппозиционную работу на западе России в восьмидесятых

годах, вспоминает, что труды Плеханова встречали неодобрительно, а кое-где и сжигали. Но, осыпая Плеханова всяческой хулой, вильненские революционеры, фактически, действовали в соответствии с его советами, сосредотачивая свое внимание на фабричных рабочих и пропаганде в их среде³⁶. Группа народовольцев, работавшая в Петербурге в начале девяностых годов, вела активную работу по организации и распространению своего влияния среди рабочих³⁷. Эта деятельность снискала уважение Группы «Освобождение Труда» и выдвигавшимся ею целям. Усилия народовольцев по агитации среди заводских рабочих явно прокладывали путь к будущим блестящим успехам социал-демократической пропаганды девяностых годов. В то же время специфический характер революционной деятельности представителей радикальной интеллигенции делал их более восприимчивыми к доводам Плеханова и его товарищей.

Появилась масса признаков того, что ее усилия начинают приносить плоды, хотя сама Группа этого тогда и не знала. В 1885 году петербургские народовольцы сообщали своим руководителям за границей о том, что «Наши разногласия» произвели сильное впечатление в революционной среде, и что немногие способны опровергнуть анализ, сделанный Плехановым³⁸. Благоевцы утверждали, что революционеры всех партий просят дать почитать эту работу³⁹. В 1885 году полицейский чин, а сторонник Лаврова — в 1887 сообщали, что «Наши разногласия» широко распространяются и имеют хороший прием в России⁴⁰. Неопровергнутые доказательства влияния марксизма видны в программе группы, замышлявшей покушение на царя в 1887 году, хотя сам этот акт противоречил марксистскому мировоззрению⁴¹. Примечательно, что народовольцы младшего поколения, которые вели революционную работу в России в восьмидесятых годах, неоднократно искали союза с социал-демократами за границей⁴². Программа журнала «Социалист», издававшегося молодыми народовольцами, сотрудничавшими с Группой, вызвала у Плеханова торжествующее восхищение в письме к П. Б. Аксельроду: «...мы можем сказать, что мы победили»⁴³. Идеи Группы завоевывали доверие многих радикалов, прежде связанных с народовольцами, но еще внушительнее было их влияние на элементы оппозиции, отрицавшие террор как способ политической борьбы.

Труды Плеханова давали необходимую теоретическую основу отдельным лицам и группам в России, эмпирически склонявшимся к социал-демократии. Считается, что отдельные труды Маркса и Энгельса выходили в России до возникновения Группы «Освобождение Труда»

и во время ее деятельности, но до Плеханова никто не применил марксистский метод столь проницательно и убедительно к российской действительности. До начала деятельности Плеханова преобладало мнение, что положения Маркса не подходят для России. Теперь такая оценка не всем казалась верной. Благоевцы, усмотревшие в «Наших разногласиях» «радикальное средство» «прояснить туман» и пересмотреть и провести переоценку прежних идеалов, были не единственными. Один киевский революционер заявлял, что ежеквартальное издание «Социал-демократ», которое Группа выпускала в начале девяностых, дает ответ на самый насущный вопрос: «как приложить теорию марксизма к специфической русской действительности»⁴⁴.

В 1893 году Плеханов имел все основания заявить, что положения, разрабатывавшиеся Группой, широко распространялись среди революционеров⁴⁵. А за несколько лет до этого разговоры о немногочисленности марксистской партии были и нередки, и вполне оправданы⁴⁶. Эти явно противоречавшие друг другу замечания содержали долю правды. Десятилетие после 1883 года было переходным периодом, во многих отношениях эклектичным. Марксистские идеи завоевали определенные позиции, но многие из тех, кто их воспринял, не вполне порвали с народническими взглядами. Идеологическая ясность пока была редкостью, и абсолютно последовательных марксистов было очень немного. В представлениях отдельных революционеров остатки старых теорий мирно уживались с новыми социал-демократическими понятиями, как это честно признавали даже Благоев и один из руководителей Бруслевского кружка⁴⁷. Отдельные народовольцы нередко оказывались в идеологическом отношении ближе к Группе «Освобождение Труда», чем некоторые из тех, кто называл себя социал-демократами⁴⁸. В начале девяностых годов политика террора перестала быть предметом жарких споров: и социал-демократы, и их соперники признавали необходимость и целесообразность работы с заводскими рабочими. Но тогда народовольцы оказались внимательнее к необходимости активной борьбы за политическую свободу, которую так настойчиво пропагандировала Группа. А социал-демократы в России сосредоточили свои усилия на просветительской работе.

Несмотря на серьезное идеиное смятение в революционных кругах, нет никаких оснований сомневаться в том, что к концу первого десятилетия своей деятельности Группа «Освобождение Труда» взломала идеиные бастионы, которые в 1883 году казались нерушимыми.